

Е. Д. СМЕРНОВА

**«Строительные леса» мира и логика
(логико-семантический анализ
«Логико-философского трактата» Витгенштейна)**

Можно выделить два аспекта философских исследований. Одна линия связана с построением «картины мира» и направлена на мир. Вторая связана с выявлением границ познания и мышления. В «Трактате» Витгенштейна разрабатываются оба эти аспекта, более того, они тесно взаимосвязаны. Однако проблема возможностей и границ познания и мышления рассматривается сквозь призму языка и логики. И это не случайно.

В «Трактате», по существу, ставится задача, сходная с поставленной И. Кантом: установить границы наших способностей познания. Философские исследования Витгенштейна идут именно в этом русле: что и как мы можем мыслить, каковы границы «моего мира», границы языка и логики.

Логика не выходит за границы мира, «границы мира являются также ее границами»¹. «Субъект не принадлежит миру, но он есть граница мира»². Чем же определяется «граница мира»? «То, чего мы мыслить не можем, того мы мыслить не можем; мы, следовательно, не можем и сказать того, чего не можем мыслить»³. Наконец, «границы моего языка означают границы моего мира»⁴. Что же в таком случае представляет собой мир «Логико-философского трактата» Витгенштейна? И не есть ли это своеобразная форма субъективного идеализма и конвенционализма: язык, построенный, «следуя правилу», детерминирует мир познающего субъекта? Да и что имеется в виду под «границами языка», «границами логики»? Каким образом язык своими

¹ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 5.61.

² Там же. 5.632.

³ Там же. 5.61.

⁴ Там же. 5.6.

структурами может определять мир? Весь этот сложный комплекс вопросов связывает неразрывным образом язык, логику и онтологию. Глубинная связь логики и философии, роль логических структур в построении картины мира — вот ключ к прочтению «Логико-философского трактата».

Центральная проблема, решаемая в «Трактате», с нашей точки зрения, — это проблема коррелятивности принимаемых методов анализа и «картины мира». В конечном счете это оказывается и проблемой обоснования логики, пересмотра общей концепции логики.

Таким образом, цель Витгенштейна не в разработке философии языка, цель иная — построение «картины мира»; через исследование формальных, логических свойств языка выявить метод конструирования модели мира. Можно также сказать, что идеи, представленные в «Трактате», в настоящее время приобретают особое звучание в связи с разработкой проблем искусственного интеллекта. Ведь речь, по существу, идет о логическом моделировании, построении логических моделей познавательных процедур. Последнее ведет к пересмотру общей концепции логики и ее роли в познавательном процессе.

Нас прежде всего интересует корреляция «моделей мира» (онтологические предпосылки) и принимаемых методов анализа. Мы постараемся показать, что метод анализа, принимаемый в «Трактате», весьма своеобразен и отличается от того метода, который восходит, например, к Фреге и Расселу и в целом получил закрепление в современной логике, а также от иных известных методов логико-семантического анализа.

Хотя логическая нотация, используемая в «Трактате», повторяет фреге-расселовскую, представление о логической структуре, да и вообще структурах языка, совсем иное. В «Трактате» новацией выступает не только изобразительная концепция языка — как это обычно отмечается, — но и принимаемые методы логико-философских рассуждений. Необычен и тот мир, который высвечивается сквозь призму проведенного в «Трактате» анализа.

Не случайно Витгенштейн базирует свой анализ на целом комплексе логико-семантических понятий, таких, как «логическое пространство», «логическая форма» и «форма действительности», «логический образ», «логическая форма отображения». Наша задача состоит в том, чтобы показать, что хотя Витгенштейн по виду следует обычной логике, его трактовка логической формы, отношения языка, логики и реальности (мира) носят совершенно необычный, своеобразный характер.

Проблема природы логических форм и законов является одной из наиболее сложных в современной логике. Одно дело — обоснование логических систем. Это проблема построения адекватной семантики, доказательства полноты и непротиворечивости относительно этой семантики. Другое дело — обоснование логических структур, законов, допустимых способов рассуждения. Эти вопросы уходят корнями в теорию познания, связаны с определенными онтологическими предпосылками.

Являются ли логические формы и законы законами и формами некоторого естественного процесса ментальной деятельности людей? Тогда — какой именно? Зависят ли они от принимаемого универсума рассмотрения? Каково их отношение к миру, реальности?

Если логические формы и законы определяются «природой нашего ума», то они могут изменяться только с изменением природы человека, его менталитета. Тогда вопрос их обоснования снимается, они имеют статус законов, естественных, природных процессов. Если же логические формы и законы не присущи нашему уму, то в таком случае складываются ли они в процессе практической познавательной деятельности людей или же определяются языковыми структурами, соглашениями относительно интерпретации логических констант? Может быть, практика употребления естественных языков (результаты «языковых игр») закрепляются фигурами логики, логическими структурами? Таким образом, перед нами стоит вопрос об отношении языка и логики (логических форм и языковых структур), с одной стороны, и их отношении к миру — с другой. Это один из кардинальных вопросов, поднимаемых в «Трактате». «То, что предложения логики являются тавтологиями, показывает формальные — логические свойства языка и мира»⁵. В языке можно представить только мир, отвечающий законам логики. «Нелогичный» мир нельзя представить в языке точно так же, как «нельзя в геометрии представить посредством ее координат фигуру, противоречащую законам пространства; или дать координаты точки, которая не существует»⁶.

Из всего вышесказанного естественно вырастает вопрос о статусе самой логики. Является ли логика теорией? Если да, то ее законы изучаются так же, как законы гравитации или законы иного рода природных процессов. Или же логика не является теорией, она — лишь способ познания, отражения мира, и ее

⁵ Там же. 6.12.

⁶ Там же. 3.032.

законы носят неэмпирический, априорный характер? Чем диктуется в таком случае этот априоризм? Общими условиями познавательной деятельности ума или же структурами языка («единственного языка, который я понимаю»)?

И все же — о какого рода языке идет речь в «Трактате»? Идет ли речь о свойствах и закономерностях обычных естественных языков, как они функционируют в коммуникативной деятельности людей, или же о некоем «идеальном» языке, моделирующем определенные аспекты естественного? Используемый символизм адресует нас к искусственным языкам логики, однако Витгенштейн подчеркивает, что речь идет о мире, соответствующем именно обычному естественному языку. Достигая своей границы, язык с необходимостью перестает действовать за ней, позади нее может быть только молчание. Необходимость, определяющая границы языка, носит у Витгенштейна абсолютный характер. Он выводит эту необходимость не из случайных черт, присущих языку, а из существенной природы языка, которая может быть выделена в любом действительном языке. Из существенной природы действительного языка следует, что любой естественный язык может, например, анализироваться как язык, содержащий элементарные (атомарные) предложения, и эти предложения служат отправной точкой, исходя из которой и опираясь на внутреннюю структуру атомарных предложений устанавливаются границы любого языка. Витгенштейн работает как бы в рамках структуры данного естественного языка (того «единственного языка, который понимаю я»⁷, но пытается в принципе выявить границы любого языка. Таким образом, на деле речь идет об «идеальном» (идеализированном) языке. Поэтому-то Витгенштейн говорит о единственном (!) языке, «который понимаю я». Он — единственный потому, что он «идеальный», потому что он воспроизводит, моделирует общие принципы и структуры любого языка — рассматриваемого, конечно, в репрезентативном аспекте.

Поэтому «мы теперь *априори* должны ответить на вопрос о всех возможных формах элементарных предложений»⁸. Именно относительно такого идеального языка можно ставить вопрос о «мире языка» вообще. С этой точки зрения красноречиво сравнение «мира языка» с *полем зрения глаза*. Мы видим то, что находится в нашем поле зрения, но что мы *не* видим, что в принципе не может попасть в поле зрения нашего глаза — это наш глаз. Имея

⁷ Там же. 5.62.

⁸ Там же. 5.55.

дело только с тем, что лежит в поле зрения глаза, мы не можем знать, что это поле зрения нашего глаза. Чтобы сделать такое заключение мы должны *выйти вовне*, за границы этого поля зрения, — только тогда мы могли бы установить, что имеем дело с реальностью, видимой, охватываемой именно глазом.

Аналогичным образом только выход за границы мира, определяемого языком, позволил бы выявить, что мы имеем дело с миром языка. Именно это имеется в виду, когда Витгенштейн утверждает, что логика наполняет мир и границы мира являются ее границами; «нелогичный» мир мы просто не можем мыслить, как не можем увидеть то, что лежит вне поля зрения, включая собственный глаз. Так мы не можем ничего сказать о «нелогичном» мире.

В этом же аспекте ведется речь о логических «строительных лесах» мира. Предложения логики (L — предложения) описывают, или, точнее говоря, задают «*строительные леса*» мира. Именно логика очерчивает общие границы мира, границы возможного в мире, а не теории, подобные фишке. Логика охватывает все то, что может быть исследовано *априори*, *вне опыта*. Пространство возможностей — логическое пространство — дает логика. (Поэтому невозможно представить в языке нечто «противоречащее логике», как невозможно саму логику описывать в языке — логические структуры, логическую форму, иными словами, логические «строительные леса»).

Но и границы мира являются ее границами. В рамках логики мы не можем устанавливать, что существует в мире, а что не существует, т. е. исключать определенные возможности. Поэтому логика — это не теория, а отражение мира. Логика трансцендентальна.

Пересмотрена по существу и, с нашей точки зрения верно, концепция логики. Логика — не наука, изучающая нечто данное, выявляющая законы и формы некоего процесса. Она сама — *способ конструирования*, она задает «строительные леса» мира, допускаемые формы отображения. Чтобы понять, почему и в каком смысле логика не является теорией и каково ее отношение к миру, надо учесть, что речь идет о *способах описания мира*, о различных «сетках», которые мы используем при конструировании «картины мира», модели мира.

Посредством какой «сетки» осуществляется описание? Можно осуществлять описание поверхности, покрывая ее сеткой из квадратных ячеек, а можно с помощью сетки из треугольных или шестиугольных ячеек. Различным сеткам соответствуют различные описания мир. Однако формы отображения, присущие научным теориям и присущие языку с логикой, принципиально различны. Именно логика детерминирует те «строительные ле-

са», которые определяют общие принципы построения мира. Тем самым логика детерминирует все возможные положения вещей (Sachverhalt) — и реализуемые (существующие) и не реализуемые. Поэтому «логика заполняет мир»⁹. Невозможно выйти за границы всех возможных положений вещей (Sachverhalt), как невозможно увидеть то, что вне поля зрения.

Выйти за границы языка и логики, т. е. за границы «сетки», способа репрезентации, диктуемого языком и логикой, значило бы, по Витгенштейну, перейти к репрезентации самой формы отображения, извне рассматривать отношения логики и мира, извне, «с другой стороны» рассматривать границы мира, детерминируемые логикой, а это так же невозможно, как включать в поле зрения глаза сам глаз. Как глаз (и его возможности) не входят в поле зрения глаза, так задание логического пространства, детерминируемого логикой, не входит в «поле зрения» логики. Отношение языка и логики к миру, к логическому пространству, по Витгенштейну, не может быть «сказано», сама форма отображения может быть только *показана* в языке.

Пространство возможностей, логическое пространство, дано априори (и, как у Канта, это означает не «до опыта», а «вне опыта»). Логика априори устанавливает границы «возможных положений дел» (Sachverhalt). Ситуацию, нарушающую логическую «сетку», нельзя помыслить. Нельзя в языке сконструировать образ того, что противоречит структуре положения вещей; такое положение вещей нельзя репрезентировать посредством предложения. То, что мыслимо, также и возможно. Предложению принадлежит возможность соответствующего положения вещей. То, что (логически) невозможно, не может отображаться в языке посредством предложения. Опять-таки «невозможно представить в языке нечто, противоречащее логике»¹⁰.

Можно только поставить вопрос (важный вопрос!) о единственности «сетки», налагаемой языком — тем идеализированным, «единственным» языком с определенной логикой, о котором шла речь выше. Возможно, иные сетки детерминируют иные способы конструирования картины мира. Потому так важно выявление того концептуального каркаса, на который опирается Витгенштейн в своем анализе в «Трактате». Возможно, принятие иных методов анализа языка и логических структур детерминирует иную «сетку» и тем самым иной способ конструирования картины мира. Мы получаем не единственный, а различные идеализиро-

⁹ Там же. 6.31.

¹⁰ Там же. 3.032.

ванные языки с различными языковыми каркасами и речь пойдет об онтологических предпосылках, связанных с ними. Важнейшим вопросом в этом случае становится вопрос о предпосылках принятия того или иного языкового каркаса — определяется ли он чисто прагматическими, конвенциональными соображениями удобства (как полагал Р. Карнап) или принимаемые методы анализа диктуются определенными теоретико-познавательными основаниями. При этом, для корректного прочтения «Трактата» важно подчеркнуть глубинное понимание Витгенштейном роли языка *в видении мира*, т. е. в нашем построении модели мира.

Однако Витгенштейн не поднимал вопроса о возможности иных логических «сеток». Логические структуры однозначно детерминируются принимаемым в «Трактате» методом анализа языка и трактовкой отношения отображения (и тем самым рамками того «единственного языка», в котором они реализуются). Тем самым ключом к пониманию всей философской концепции Витгенштейна становится уяснение своеобразия метода анализа, примененного в «Трактате», и того концептуального аппарата, который лежит в его основе. Постановка же вопроса об иных методах анализа, иных логических структурах и о возможности иных форм отображения означала бы выход за границы мира, за границы того, что может репрезентироваться в языке.

Вернемся к вопросу о трактовке языка в «Трактате». В принципе, следует выделить два плана в рассмотрении языка и языковых структур: во-первых, те языковые структуры и правила, которые связаны с коммуникативным аспектом употребления языка, во-вторых, — те, которые связаны с репрезентативным, познавательным аспектом языка. В первом случае речь идет о том, каким образом закономерности коммуникативной речевой деятельности преломляются в правилах языка, каково их влияние на грамматические структуры. Различные аспекты этого плана (речевые акты различного типа, цели, задачи речевой деятельности и т. д.) должны получать свою репрезентацию в языке, закрепляться определенными правилами и структурами языка.

Во втором случае речь идет о закономерностях репрезентативного аспекта языка и их закреплении в структурах и правилах. Встает вопрос: нельзя ли выводить структуру и границы языка из чисто логической теории, обосновывать их чисто логическими структурами?¹¹ В свою очередь это касается рассмотрения глу-

¹¹ Так ставит вопрос, например, П. Стросон: «Если грамматика должна обладать познавательной силой (то есть иметь объяснительные основы), то следует попытаться перекинуть мост между семантико-логическими

бинных структур предложений. Какие грамматические, структурные отношения являются первоосновой для семантической интерпретации предложений? Вопрос этот играет первостепенную роль в «Трактате» и является отправной точкой логико-семантических рассуждений.

Но если принять, что логические структуры являются определяющими по отношению к языковым, то в таком случае различия в структурах (грамматиках) различных языков должны рассматриваться как вариации на одну тему, диктуемую логико-семантическими основаниями. Те глубинные структуры, которые детерминируются логикой, не должны затрагиваться этими вариациями. Инвариантное в глубинных структурах предложений связано с логическими основаниями. Так мы приходим опять-таки к той модели идеализированного языка, которая присутствует в «Трактате». Само обоснование логико-языковых структур ищется тогда не в закономерностях коммуникативного аспекта употребления языка, а в отношениях с реальностью, связывается с проблемой репрезентации картины мира. Так предложение своей структурой, формой репрезентирует определенную связь вещей. Поневоле мы в этом случае исходим из единой логики, «абсолютности» ее структур и единой картины мира (по крайней мере, способов ее построения). Нам представляется, что одно из основных отличий второго периода работы Витгенштейна (концепция языка в «Философских исследованиях») заключается как раз в отказе от определяющей роли картины мира в обосновании правил языка, его границ и структуры.

На наш взгляд, *нет оснований противопоставлять*, как это нередко делается, *философскую концепцию языка раннего и позднего* Витгенштейна — ибо цели исследований и подходы к анализу языка, разрабатываемые в том и другом случае, разные. В «Трактате» язык рассматривается как сложившаяся, единая система и ставится задача выявления репрезентативного и познавательных аспектов языка в принципе — независимо от того, идет ли речь об искусственных или естественных языках. В сущности, Витгенштейн разрабатывает модель репрезентативной функции языка. В поздний период ставится задача исследования механизмов функционирования языка в системе. Закономерности и факты этого плана иные. В этом случае принимается во внимание субъект — носитель языка, наделенный определенными

признаками, с одной стороны, и синтаксическими отношениями и классами, с другой». См.: Строссон П. Грамматика и философия // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII. М., 1986. С. 165).

целями, знанием и т. д., по-иному стоят вопросы анализа смысла и значения выражений языка.

В первом случае язык рассматривается изолированно, вне контекста употребления, и исследуется в плане репрезентации картины мира. Во втором — его структуры и границы определяются многоаспектными взаимодействиями, проистекающими «извне», из *системы*, в которую он включен. Объясняя механизм функционирования языка, Витгенштейн здесь учитывает не только внутриязыковой контекст, но и контекст всей человеческой жизни. Естественно, мы получаем иную модель языка, иные закономерности. Структура и правила языка не выводятся из логической теории, они скорее раскрываются посредством эмпирических исследований.

Речь идет не о двух формах или способах существования языка, а о *двух планах* рассмотрения языка. Любой действительный язык как единое, живое, функционирующее целое имеет оба эти аспекта и не может быть понят вне их взаимосвязи. Но факты и закономерности этих двух планов существенно разные, их нельзя смешивать. Одно дело — механизм функционирования в контексте всей человеческой деятельности, другое — вопрос о его познавательном аспекте: как и что мы можем сообщать о мире средствами языка и какова тут связь с познавательной деятельностью.

Таким образом, мы имеем дело с двумя различными способами описания, двумя различными подходами к языковым системам. В «Трактате» реализуется один из них, в «Философских исследованиях» — другой, и нет смысла их противопоставлять. «Трактат» — попытка дать метод конструирования модели познавательного аспекта языка. Идеальный язык выступает как *сложившаяся система*, где новые предложения порождаются согласно схеме, следуя правилам — внутренним правилам системы, не выходя за ее границы.

В «Философских исследованиях», с нашей точки зрения, ставится задача моделирования аспекта функционирования языка. Язык — открытая, не завершенная система, где новые аспекты функционирования дают новые схемы порождения «согласно правилам». Вопрос тут один: есть ли это эмпирическое исследование (результат эмпирических рассуждений), или же возможна *теория* такого рода моделирования? Этот вопрос аналогичен проблеме принципов построения прагматики: как возможна теоретическая прагматика? Разработка теоретических моделей функционирования языка означала бы также разработку метода конструирования определенных моделей мира, моделей определенного рода деятельности — «языковых игр».

Исследование структуры и границ языка — задача, проходящая через все исследования Витгенштейна. Но хотелось бы подчеркнуть, что идея конструирования «следуя правилу» присуща не только позднему Витгенштейну, она проходит красной нитью через обе работы и играет решающую роль при разработке и обосновании «изобразительной» концепции языка в «Трактате».

Что же нового вносит метод анализа, принимаемый в «Трактате»? Попробуем выделить некоторые основные моменты.

За логическими «строительными лесами», за принимаемым подходом к языку встает совершенно *необычная* картина мира — «мира» «Трактата» Витгенштейна — мира, лишенного вещей и свойств, похожего скорее на топологическую картину в пространстве возможностей.

«Трактату» присуща совершенно своеобразная, отличная от общепринятой, трактовка *структуры атомарных предложений*.

Необычен и метод семантического истолкования выражений языка: предложений, имен, логических связок, предикатных знаков.

В основе всего этого лежит совершенно особая трактовка образа и отношения отображения. Она же ведет к совершенно своеобразной концепции смысла атомарных предложений.

Как отмечалось, развивается нестандартная концепция логики. Вводятся особые понятия логического образа, формы отображения, логической формы отображения, логической структуры.

Вместо подразделения языка на объектный и метаязык вводится разграничение того, что в языке может быть *сказано*, и того, что может быть только *показано*.

Развивается теория неполных символов, синкатегорематических выражений языка. По-иному разграничиваются *линии номинализма* и *платонизма* в анализе языка и логики.

Наконец, утверждается, что язык не создает мир, но он задает ту *сетку*, которую мы используем, конструируя картину мира.

Одной из актуальных задач представляется раскрытие того концептуального каркаса, который лежит в основе метода Витгенштейна. Анализ языка он начинает с высказываний (атомарных предложений), однако, в отличие от Фреге, не считает предложения обозначающими выражениями. И дело тут не в способе их членения, главное в методе — в трактовке простого предложения как образа положения вещей (*Sachverhalt*), в том, что для Витгенштейна: «Предложение — образ действительности. Предложение — модель действительности, как мы ее себе мыслим»¹².

¹² Там же. 4.01.

Ключом к принимаемому истолкованию предложения служит *особая трактовка образа* и отношения отображения. Речь идет не о «сходстве», «похожести» образа и отображаемого, а о конструировании согласно правилу. Образ понимается как модель, проекция, а правило является законом проекции.

Нам представляется, что витгенштейновская трактовка образа неожиданно и весьма интересно перекликается с кантовским учением о *схематизме чистого созерцания*. Существует глубинная связь между трактовкой образа как проекции, как конструирования в соответствии с определенным правилом, и кантовским пониманием схемы как общего способа, посредством которого воображение априори «доставляет понятию образ», не прибегая при этом к опыту.

У Витгенштейна язык и мир стоят друг к другу в том же внутреннем образном отношении, которое имеет место между граммафонной записью, музыкальной мыслью и партитурой. Они имеют *общую логическую структуру*. Вопрос как раз заключается в том, чтобы установить, что имеется в виду под общей логической структурой, ведь речь идет не о зеркальном отображении. В этом же плане предложение рассматривается как логический образ действительности.

Только уяснение витгенштейновской трактовки отношения отображения позволяет отойти от общепринятого упрощенного понимания изобразительной концепции языка. Только учет «следования определенному правилу» и соответственно «проектной» концепции образа позволяют понять отношение языка и онтологии в «Трактате». Предложение — не имя истинностного значения или даже ситуации. Правила, относящиеся к пропозициональному знаку — языковому выражению предложения — таковы, что предложение должно порождать то, что Витгенштейн называет связью вещей (*Sachverhalt*). Таким образом, онтология, к которой принуждает трактовка предложений, — это онтология наличия или отсутствия положений вещей (*Sachverhalt*). Соответственно характеру правил, относящихся к пропозициональному знаку, это положение вещей выступает как связь, сцепление, конфигурация вещей.

Метод Витгенштейна исключает анализ по схеме: вещи — свойства — отношения. Мир онтологии «Трактата» лишен таких сущностей как свойства и отношения¹³. Семантика Витгенштейна, в отличие от традиционной, носит не теоретико-множественный,

¹³ Подробнее см: *Смирнова Е. Д.* Универсалии и логическая структура языка. Логико-методологические исследования. М., 1980.

а необычный, «проектный», топологический характер. Вещи не наделены свойствами. Аргументное место означает определенную точку в пространстве, например, цветности. Соответственно, отношения между высказываниями «Красен (а)», «Бел (а)» и т. д. определяются *логической структурой этого пространства*.

Связь, «сцепление» вещей, в языке не может быть сказана, а может быть только «показана». Соответственно знаки свойств и отношений в языке трактуются как синкатегорематические, необозначающие. Да и сами объекты, предметы не выделяются, не существуют вне пространства возможных положений вещей. Поэтому мир онтологии «Трактата» — совокупность фактов, а не вещей.

